

НОВАЯ

ISSN 0130-3864

И

НОВЕЙШАЯ

ИСТОРИЯ

В номере:

НОВОЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ И ИСТОРИКИ

**ДОКУМЕНТЫ О БОРЬБЕ СССР
ЗА БЛИЖНЕВОСТОЧНОЕ УРЕГУЛИРОВАНИЕ**

**КОМПЛЕКСНАЯ ПРОГРАММА
ПО ИСТОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ**

**КРУГЛЫЙ СТОЛ.
МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ
В СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАНАХ**

**ВОСПОМИНАНИЯ: В. М. БЕРЕЖКОВ.
ВСТРЕЧИ И РАЗМЫШЛЕНИЯ**

ПОЛИТИЧЕСКАЯ БИОГРАФИЯ МАКСА ВЕБЕРА

2
1988

Н О В А Я И Н О В Е Й Ш А Я И С Т О Р И Я

2

МАРТ—АПРЕЛЬ

1988

ЖУРНАЛ

ОСНОВАН В 1957 ГОДУ
ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

СОДЕРЖАНИЕ

БОРЬБА ЗА МИР И НОВОЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ

- Вице-президент АН СССР академик Федосеев П.Н. Перестройка в умах людей — веление времени 3
 Академик Тихвинский С.Л. Новое политическое мышление и историки 11
 Академик Пономарев Б.Н. Историческое значение советско-американского Договора от 8 декабря 1987 г. 15

СТАТЬИ

- Манькин А.С., Никонов В.А., Роголев Ю.Н., Язков Е.Ф. Некоторые итоги изучения истории двухпартийной системы США 18
 Ивкина Л.А. Кубинская марксистская историография национально-освободительной борьбы 1868—1898 гг. 34
 Погосян В.А. Роялисты, Директория и выборы 1797 г. 46

КОМПЛЕКСНЫЕ ПРОГРАММЫ ОТДЕЛЕНИЯ ИСТОРИИ АН СССР

- Комплексная программа "История внешней политики СССР и международных отношений" 63

ПУБЛИКАЦИИ

- Документы из истории борьбы СССР за ближневосточное урегулирование "КРУГЛЫЙ СТОЛ" 82
 Становление и развитие марксистско-ленинской историографии в странах социалистического содружества 105

ВОСПОМИНАНИЯ

- Бережков В.М. Американцы и мы. Встречи. Эпизоды. Размышления 127

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ ОЧЕРКИ

- Виноградов В.Н. Макс Вебер и "либеральный империализм" 148

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

- Евтух В.Б. Вопросы новой и новейшей истории на страницах "Журнала американской этнической истории" (1981—1986 гг.) 170
 Жеравина О.А., Соколов Н.Н. Источники и литература о Великой французской революции в научной библиотеке Томского университета (Библиотека Строгановых) 176

ВОПРОСЫ ПРЕПОДАВАНИЯ НОВОЙ И НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ В ВУЗАХ

Викторов В.П. Перестройка преподавания новейшей истории в высшей педагогической школе 180

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

Смоленский Н.И. (Пенза). М.И. Орлова. Германская революция 1918–1919 гг. в историографии ФРГ. М., 1986 183

Заборов М.А. В.П. Иерусалимский. Рабочий класс ФРГ. Психология, сознание, сознательность. М., 1986 184

Кунина А.Е. К. Дрекслер. США от создания антигитлеровской коалиции до начала "холодной войны". Берлин, 1986 186

Ковальский Н.А. Б.Р. Лопухов. Эволюция буржуазной власти в Италии. М., 1986 188

Согрин В.В. Б.Г. Могильницкий, И.Ю. Николаева, Г.К. Гульбин. Американская буржуазная "психоистория" (критический очерк). Томск, 1985 190

Покивайлова Т.А., Богаева Н.А. А.В. Хействер. Буржуазная историография ФРГ об участии Румынии во второй мировой войне. Критический очерк. Кишинев, 1986 192

Чеканцева З.А. (Новосибирск). Л.А. Пименова. Дворянство накануне Великой французской революции. М., 1986 194

Виноградов К.Б. (Ленинград). В.А. Дунаевский, А.Б. Цфасман. Николай Михайлович Лукин. М., 1987 196

Шакиров Р.С. К. Мидлзэс. Власть, конкуренция и государство. Т. 1. Британия в поисках равновесия. 1940–1961. Лондон, 1986 198

ТВОРЧЕСКИЙ ПУТЬ СОВЕТСКИХ УЧЕНЫХ

Академик Ким М.П., академик Самсонов А.М., член-корр. АН СССР Бонгард-Левин Г.М. Знаменательный юбилей академика Б.Б. Пиотровского 201

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Новое пополнение Академии наук СССР 204

Советские историки – лауреаты Государственных премий СССР 1987 года в области науки и техники 209

Научные сессии и конференции

Научные заседания, посвященные 70-летию Великого Октября 210

Вишлёв О.В. Научная конференция комиссии историков СССР и ГДР 211

Яковлева Е.Л. К 100-летию со дня рождения Джона Рида 213

Зубок В.М. Советско-американский симпозиум по школьным учебникам Хроника 214

Ларина Т.О. Памяти академика Е.М. Жукова 216

Список докторских и кандидатских диссертаций 217

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Г.Н. СЕВОСТЬЯНОВ (главный редактор),

А.В. АДО, В.А. ВИНОГРАДОВ, Г.Г. ВОДОЛАЗОВ, В.Д. ВОЗНЕСЕНСКИЙ (ответственный секретарь), Т.М. ИСЛАМОВ, Н.П. КАЛМЫКОВ, Ф.Н. КОВАЛЕВ, А.Л. НАРОЧНИЦКИЙ, И.И. ОРЛИК, Ю.А. ПИСАРЕВ, В.С. РЫКИН, В.В. СОГРИН, Е.И. ТРЯПИЦЫН (зам. главного редактора), Л.Я. ЧЕРКАССКИЙ, А.О. ЧУБАРЬЯН, Я.Б. ШМЕРАЛЬ, Е.Ф. ЯЗЬКОВ.

АДРЕС РЕДАКЦИИ: Москва, 121002 Арбат, д. 33/12, тел. 241–16–84

когда она станет действующим лицом в столкновении континентов" (с. 156). Самолюбование итальянских фашистов в качестве "объединителей Европы" было сравнительно недолгим, продолжалось лишь до тех пор, пока этому не положил конец более сильный хищник — германский национал-социализм со своей программой завоевания Европы и насаждения там "нового порядка".

Планы гитлеровской Германии и режима Муссолини в отношении будущего Европы провалились, как известно, в результате их разгрома во второй мировой войне. Некоторые из документов тех лет, приводимые Б.Р. Лопуховым, звучат, как если бы они были написаны сегодня. "Мир в Европе, — говорилось в манифесте конференции европейского Сопротивления в 1944 г., в которой приняли участие и итальянские представители, — это ключ ко всеобщему миру. Ведь на протяжении одного поколения Европа была эпицентром двух мировых конфликтов" (с. 219).

На основании этих и подобных идей строились далеко идущие планы, не всегда глубоко продуманные, но выражавшие беспокойство за будущий мир и будущую Европу. Так Пар-

тия действия высказывалась за создание Соединенных Штатов Европа в качестве "третьей силы" наряду с США и СССР, договариваясь, правда, что новое образование не должно усиливать разногласия между этими двумя великими державами. Социалистическая партия, в особенности ее левое крыло, видела грядущее в "социалистической реконструкции" Европы, в создании федеративной организации в качестве этапа на пути к Союзу социалистических республик (с. 221). Либералы говорили об европеизме с позиции крочанской концепции "европейского духа". Не оказались в стороне и христианские демократы, которые, по замечанию автора, взяв "на вооружение идеологию католицизма с его исторической традицией универсализма", превратились со временем в весьма серьезную силу в развитии европеистской тенденции в Италии (с. 22).

В целом книга Б.Р. Лопухова дает ценный материал для раздумий об исторических судьбах Италии, ее сегодняшнем дне, ее будущем.

Н.А. Ковальский

Б.Г. Могильницкий, И.Ю. Николаева, Г.К. Гульбин. АМЕРИКАНСКАЯ БУРЖУАЗНАЯ "ПСИХОИСТОРИЯ" Критический очерк. Томск: изд-во Томского университета, 1985, 272 с.

Книга ученых Томского университета — первое в советской историографии целостное исследование одной из новых школ в современной буржуазной исторической науке. О ее влиянии свидетельствует такой факт: на XVI Международном конгрессе исторических наук в Штутгарте в августе 1985 г. представителям психоистории была отведена отдельная секция.

Авторы стремятся выявить роль психоистории как новой дисциплины, базирующейся на применении психоанализа к изучению истории, в контексте принципиальных изменений, происходящих в буржуазной исторической науке в последние десятилетия. Главным среди них, имеющим прямое отношение к месту в ней психоистории, справедливо объявляется вторжение в буржуазную историографию методов социальных и естественных наук, в целом междисциплинарного подхода.

Как отнестись к этому явлению? С одной стороны, внедрение этих методов привело к падению влияния релятивистско-субъективных концепций исторического знания (особенно индивидуализирующего метода немецкого идеалистического историзма), взятых на вооружение не одной школой буржуазной историографии США накануне второй мировой войны. Было преодолено харак-

терное для релятивистской историографии чувство неполноценности истории как науки; одновременно расширились ее познавательные возможности. Но, с другой стороны, как показано в монографии, оформление так называемой "новой научной истории" имело и ярко выраженные негативные последствия, обусловленные подчиненностью процесса "сциентизации" буржуазной историографии классовым запросам современного капитализма, теоретико-методологическим схемам буржуазного обществознания.

Сегодня не подлежит сомнению, что стратегическая "сверхзадача" "новой научной истории" заключалась в создании модернизированной альтернативы историческому материализму. Не случайно поэтому среди ее представителей большинство составляют консервативные авторы, усвоившие, например, доктрины "бесконфликтности" истории США, американской "исключительности" и тому подобные идеологические схемы. Очевидный негативный момент заключался в том, что "новая научная история" разорвала единую ткань исторического процесса, сосредоточилась на том, как функционировали те или иные "структуры" в горизонтальных срезах исторического времени, и утратила интерес к вопросу о том, почему и как осуществлялись исторические изменения. Это вело к

усилению в ней тенденций антиисторизма.

Глубокая противоречивость присуща и такому модному направлению "новой научной истории", как психоистория (о распространении психоистории в США свидетельствует то, что ее представители издают сразу два периодических издания – "Джорнэл оф психоистори" и "Психоистори ревью"). Авторы монографии стремятся к максимально полному раскрытию этой противоречивости. Ставя задачей всестороннюю критику теоретико-методологических пороков буржуазной психоистории, они вместе с тем выявляют и рациональное зерно в историческом анализе массовой психологии, профессионально группового и индивидуального характера, расширяющего научный категориальный аппарат историографии и полноту исторической картины. По их мнению, сама по себе попытка рационализировать иррациональное, найти в сфере бессознательного объяснение мотивов тех или иных поступков, раскрыть механизм трансформации побуждений бессознательного в действиях исторических личностей и масс имеет право на существование. Она способна расширить представление о реальном движении истории, сделать более адекватным знание о субъективной стороне исторического процесса. Авторы доказательно, на конкретном материале, прежде всего по истории социальных революций нового и новейшего времени, фашизма, а также ряда биографий исторических деятелей, исследуют, насколько исторический психоанализ оказывается продуктивным в работах той влиятельной ветви современной буржуазной историографии, которая получила название психоистории.

В заслугу авторам необходимо поставить дифференцированный подход к психоистории, выделение в ней разных тенденций. Они выявляют три направления в рамках психоистории – ортодоксальное, интеграционистское и социально-критическое, позиции которых порой существенно отличны друг от друга.

Для ортодоксального направления характерны воинствующий антиисторизм, уподобление психоисторика клиницисту, умаление роли рационально осознаваемых мотивов деятельности личности и коллектива, поглощенность сферой бессознательного, которая справедливо определяется в книге как "нижний этаж мотивационной структуры" (с. 74). В самой же сфере бессознательного центральное место психоисторике отводят "эпидиову комплексу", психологическим травмам детства, детерминирующим якобы весь жизненный опыт личностей и коллективов.

Каковы же результаты вторжения психоисторического детерминизма в современную буржуазную историческую науку? Пресловутый "комплекс взаимоотношений отца и сына" превращает психоисториками в универсальную парадигму "объяснения" любых классовых, социально-политических, этно-

религиозных конфликтов, революций прошлого и настоящего, современных молодежных движений. При этом любые общественные конфликты, и прежде всего революционные процессы, рассматриваются или как продукт иррациональной активности масс, или как следствие психопатологии выдающихся личностей, перенесенной на общественный объект.

Антиисторизм и реакционный классовый характер таких интерпретаций американских психоисториков очевидны. Но при всей их очевидной антинаучности они отнюдь не безобидны. Осуществляемые на уровне и при посредстве методики клинического диагностирования в условиях широкого распространения и усиления под воздействием научно-технической революции техницистского сознания на Западе, они способны оказать весьма опасное влияние на самые разные слои читателей. Вот почему всесторонняя научная критика взглядов психоисториков не утрачивает своей актуальности; более того, задача, по нашему убеждению, заключается в том, чтобы делать такую критику достойным не только советских, но и зарубежных читателей.

Значительное внимание в книге уделено интеграционистскому направлению в психоистории, которое выступило с критикой психоисториков-ортодоксов, декларировало необходимость учета социального опыта исторической личности, способного, по убеждениям интеграционистов, в той или иной мере корректировать ее индивидуальный и семейный психологический опыт. В целом интеграционисты поставили целью дополнить психоанализ изучением социальных факторов исторического развития.

Приводя методологические декларации интеграционистов, авторы справедливо исходят из того, что их истинная ценность может быть определена только на основе всестороннего рассмотрения конкретных результатов исследовательской деятельности "ревизионистского" направления. Результаты же оказались крайне противоречивыми, порождающими сомнения в возможности плодотворного и органического соединения буржуазного психоисторического подхода с социальным контекстом. На первый взгляд, интеграционистам как будто удалось преодолеть упрощенческие интерпретации ортодоксальных психоисториков. Так, например, К. Линн в исследовании литературного процесса в США в XIX–XX вв. раскрыл его зависимость от происходящих в американском обществе социальных сдвигов. Но тот же автор, подгоняя затем выявленные им взаимосвязи под психоаналитические категории и понятия, оказался в плену традиционных схем психоистории и так и не смог дать подлинно научной концепции закономерностей американского литературного процесса.

Научная несостоятельность социального анализа интеграционистов раскрыта на при-

мере их ведущих представителей — Э. Эриксона и Э. Фромма. Эриксон в биографии М. Ганди неизменно пропускает социально-политические мотивы его деятельности через "эдипов комплекс", в результате чего создает фантастическую, "перевернутую" картину роли бессознательного и рационального в поступках лидера индийского национально-освободительного движения. Фромм в своих интерпретациях социальных революций отверг фрейдистское положение об "агрессивности" революционеров как имманентно присутствующем групповой и индивидуальной психологии инстинкте, но тут же объявил доминантой коллективной психологии в революциях стремление к свободе, которое, в его истолковании, скорее биологическое обусловлено, нежели социально детерминировано.

В целом интеграционисты, как показано в книге, либо подчиняют социально-исторический анализ психологическому, либо подставляют на место психологического детерминизма позитивистскую "теорию факторов". Положительно оценивая критику интеграционистского направления, данную в монографии, необходимо в то же время отметить, что эта критика могла быть расширена и углублена. Научные неудачи интеграционистов обусловлены не только механическим соединением психологического и социологического анализа и подчинением второго первому, но и ограниченностью используемого ими метода социологического анали-

за. Интеграционисты заимствуют не что иное, как методы буржуазной социологии, научные возможности которых ограничены не в меньшей степени, чем возможности буржуазного психоанализа. Этой стороне методологических пороков интеграционистов в работе практически не уделено внимания.

Наименьшее место в книге отведено социально-критической тенденции в психологии, которая выражается в рассмотрении психологических стереотипов буржуазного общества в тесной взаимосвязи с классовыми противоречиями. Эта часть вызовет больше всего вопросов читателей и по той причине, что в рамках социально-критической тенденции рассмотрены исследования Э. Эриксона и Э. Фромма, в адрес которых в предшествующих главах были высказаны очень серьезные замечания. В результате оценки двух ведущих представителей психологии в монографии оказываются противоречивыми. Социально-критическая тенденция и ее соотношение с интеграционистским направлением в психологии заслуживали более глубокого и всестороннего анализа.

В целом же советская историография пополнилась оригинальным и аргументированным исследованием одного из важных направлений современной буржуазной историографии.

В.В. Согрин

А.В.Хействер. БУРЖУАЗНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ФРГ ОБ УЧАСТИИ РУМЫНИИ ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ. Критический очерк. Кишинев: "Штиинца", 1986, 211 с.

Монография сотрудника Института истории Академии наук Молдавской ССР к.и.н. А.В. Хействера посвящена критическому анализу западногерманской буржуазной историографии, посвященной участию Румынии во второй мировой войне. Искажить причины и цели вступления фашистской Румынии в войну против СССР, скрыть агрессивные устремления правителей королевской Румынии, фальсифицировать события, связанные с освобождением Румынии от фашизма, умалить решающий вклад СССР в разгром фашизма, фашистского блока и выхода из него Румынии, в создание благоприятных условий для завоевания румынским народом свободы и независимости — таковы политические установки империалистической пропаганды, направленные на то, чтобы вбить клин между социалистическими странами, подорвать доверие к миролюбивой внешней политике Советского Союза. Эти установки в той или иной мере находят свое отражение и в буржуазной историографии.

Западногерманская буржуазная историография второй мировой войны уделяет осве-

щению участия Румынии в войне гораздо больше внимания, чем историография других капиталистических стран. Причем характерно, что господствующие позиции в ней удерживают представители реакционных направлений.

В работе использован широкий круг источников и литературы, в частности, критически проанализированы труды историков и публицистов ФРГ, воспоминания чиновников и генералов "третьего рейха". Привлечены архивные материалы, периодическая печать и дневники германских военачальников. А.В. Хействер опирается на работы советских исследователей (А.Н. Мерцалова, В.И. Салова, В.И. Дашичева и др.), а также зарубежных историков-марксистов (В. Бертольда, Л. Бертольда, Г. Лоцека, Г. Захария и др.) по данной проблематике.

Одним из достоинств исследования является то, что автору удалось не только проследить эволюцию, взаимосвязь и взаимообусловленность концепций, существующих в западногерманской буржуазной историографии на протяжении всего послевоенного пе-